

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сысоев Тихон Алексеевич

Феномен лени: этико-философский анализ

09.00.05 — Этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва — 2021

Работа выполнена на кафедре этики философского факультета философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Разин Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Доброхотов Александр Львович,
доктор философских наук, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ординарный профессор школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук;

Кувакин Валерий Александрович,
доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
профессор кафедры истории русской философии философского факультета;

Зубец Ольга Прокофьевна,
кандидат философских наук,
ФГБУН Институт философии РАН,
старший научный сотрудник сектора этики.

Защита состоится «18» октября 2021 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.09.02 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета философского факультета).

Е-mail: diss@philos.msu.ru.

Диссертация находится на хранении в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/381888812/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется теоретической и практической значимостью круга вопросов, связанных с этико-философским анализом феномена лени в свете тех социокультурных трансформаций, которые принесла за собой индустриализация и становление общества модерна. Можно сказать, что сам феномен лени приобрел сегодня новые коннотации и черты, с одной стороны, в связи с чрезмерной интенсификацией труда в индустриальном и постиндустриальном обществах, а с другой, — в связи с ростом числа избыточных рабочих рук, что обусловлено законами развития капитала и тенденцией ко все большей автоматизации производства.

Так, с одной стороны, в обществе, в котором, по выражению Жана Бодрийяра, «законы системы производства не имеют каникул»¹, сам по себе труд становится той репрессивной реальностью, ускользнуть из которой уже становится задачей, трудностью. Ведь любое время, проведенное «без пользы», сразу же приобретает эмблему растраченного, и человек, позволивший себе подобное, как правило, порицается. Одним из следствий такой установки является трудоголизм — патология современного общества. Неслучайно, что порядка трети работающих людей считают себя трудоголиками², в то время как количество исследований, посвященных этому явлению, растет в последние десятилетия экспоненциально³.

С другой стороны, постепенная оптимизация рабочего процесса и автоматизация ряда рутинных задач, приводит к тому, что человек начинает испытывать на себе сразу двойное давление. Во-первых, он ощущает тревогу относительно своего будущего (за свое рабочее место): по данным опроса PwC,

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 197.

² Matuska K. Workaholism, life balance, and well-being: A comparative analysis. // Journal of Occupational Science. 2010, 17, P. 104–111.

³ Sussman S. Workaholism: A Review. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3835604/> (дата обращения: 03.20. 2019).

проведенного в 2018 году, 37% респондентов испытывают подобную тревогу. Во-вторых, перспектива все большей автоматизации труда может поставить человека в новые условия, где свободного времени может оказаться больше, что, в свою очередь, также может стать источником для стресса, известного, например, как «синдром выходного дня», когда само наличие «пустого» времени вызывает фрустрацию⁴. В этом отношении переосмысление феномена лени оказывается значимым и с точки зрения сложившейся сегодня ценности труда, и с точки зрения современных трудовых практик.

Известно, что в философской и этической традициях осмысление феномена лени, нередко, ограничивалось описанием его порочной природы. Действительно, если обратиться к определению порока, которое сформулировал Кант — нарушение долга перед самим собой и нарушение долга перед Другим⁵, — становится ясно, что лень в пространстве этического — это порок. Ведь человек, предающийся ей, полностью сосредоточен на самом себе, отказываясь от поступательной жизни (М.М. Бахтин), отвергая тяжелую необходимость действовать, сообразуясь с моральным долгом, совершая тихий дрейф в сторону от этого поля напряженного и деятельного бытия, «замолкая», а значит, если следовать небезызвестной сартровской мысли, и переставая быть человеком, будучи ссаженным кондуктором с символического трамвая.

Более того, сама добродетель — ее моральная ценность, — по мысли Аристотеля, всегда сопряжена с трудностью, которую человек усилием воли должен преодолеть: «Искусство и добродетель всегда рождаются там, где труднее, ведь в этом случае совершенство стоит большего»⁶. Уклоняясь же от нравственных обязательств перед самим собой и перед Другим, человек

⁴ См. например: Li-Ting Kao, Sudha Xirasagar, Kuo-Hsuan Chung, Herng-Ching Lin, Shih-Ping Liu, Shiu-Dong Chung. Weekly and Holiday-Related Patterns of Panic Attacks in Panic Disorder: A Population-Based Study [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4090070/> (дата обращения: 03.20. 2019).

⁵ Кант И. Метафизика нравов в двух частях: Собр. соч. в 6 томах. Т. 4, ч. 2. — М.: Мысль, 1965. С. 324.

⁶ Аристотель. Никомахова этика. // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.: Общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. С. 82.

осознанно обрекает свои таланты и способности на «прозябание» в состоянии всегда только лишь потенциального, но не осуществленного, и о плачевных последствиях подобной стратегии в Евангелии можно найти красноречивую притчу о талантах (Мф. 25, 26). Размышления Э. Левинаса о лени как о принципиальной нацеленности на будущее, а вместе с тем и пессимистического воздержания от него (заочная «усталость от будущего») находятся в том же концептуальном поле⁷.

Тем не менее, при более пристальном всматривании в феномен лени становится заметно, что ее аксиология и онтология не так очевидны. Если, например, уйти с позиций этического утилитаризма, становится ясно, что вся сложность, связанная с интерпретацией лени, заключается в том, что за каждым индивидуальным проявлением этого состояния могут стоять свои, подчас проблематичные с нравственной точки зрения мотивы, опосредованные, например, отсутствием желания принимать нормы, принятые в том или ином обществе, стремлением «закрыться от мира» (из эскапистских побуждений или в связи потребностью побыть «наедине с собой») или в связи с опустошенностью (усталостью) от каждодневной рутины. Более того, если взглянуть на рефлексию лени в философии и этике ретроспективно, окажется, что и отношение к этому феномену не всегда была однозначно негативным, а отношение к труду — исключительно положительным. Особенно если включить эту оппозицию в более широкий контекст рефлексий пары «*vita activa*» / «*vita contemplativa*», представленный, например, в книге Х. Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни». Таким образом, феномен лени требует нового, более тщательного и всестороннего анализа, особенно в свете того статуса, который труд имеет сегодня, а также тех практик, которые вокруг него сложились.

Данная работа сосредоточена на осмыслении и оценок лени в категориях морального сознания. Для того, чтобы выявить наиболее исчерпывающую «палитру» модусов лени, этот феномен был рассмотрен под разными углами и с

⁷ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. — М.—СПб, 2000. С. 14-18.

разных позиций. Поэтому, в частности, в рамках данного исследования были затронуты такие явления и понятия, которые напрямую с ленью не связаны, или же их связь наличествует только в обыденном сознании, тогда как в научном дискурсе, скорее, она покажется сомнительной или, по крайней мере, не столь очевидной. Мы говорим о таких понятиях, как, например, недеяние, аномия, эскапизм, праздник, досуг, созерцание, фланирование и не только.

Степень научной разработанности темы исследования. Несмотря на чрезвычайную важность феномена лени — она (лень) явно или скрыто сопровождает и пронизывает все существование человека, — в отечественном философском наследии мы не встречаем больших, систематических исследований, посвященных ее этико-философскому содержанию. Возможно, такое молчание связано с тем, что сказать об этом будто бы и нечего. Уже в эпоху Реформации с юридической однозначностью было постановлено: лень — мать всех пороков. Кроме того, говоря о российском контексте, нельзя не подчеркнуть, что в советский период подобная протестантская прямолинейность в оценке праздного образа жизни была аксиоматичной. В обществе тотального труда («Великой армии труда») «лень» преследовалась уголовно: «тунеядец» (самым известным из которых стал И.А. Бродский) ссылался «в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения»⁸.

Однако в последние десятилетия в зарубежной академической науке заметна нарастающая заинтересованность проблематикой лени. Так, в 1995 году при Карлтонском университете в Канаде была сформирована исследовательская группа, занимающаяся проблемой прокрастинации («The Procrastination Research Group») как специфического волевого расстройства, влияющего на различные стороны человеческой жизни. Австралийские ученые из университета Ньюкасла

⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г., принятый на основании 12-й статьи Конституции СССР 1936 г.

настаивают на интерпретации лени как «неопределимой апатии», как мотивационной недостаточности (Motivational Deficiency Disorder) и занимаются разработкой соответствующих медицинских препаратов⁹.

В психологии, помимо негативных оценок лени, существуют и позитивные, которые, например, встречаются в некоторых российских научно-популярных журналах¹⁰. Исследователи утверждают, что не пренебрегающий ленью человек сохраняет благодаря ей энергию и тем самым продлевает свою жизнь. Схожим и характерным пафосом пронизана публицистика ряда англосаксонских авторов, выступивших в защиту праздности, оппонирующих феномену «тейлоризма» с его концепцией «научного управления». Так, например, Т. Ходжкинсон написал книгу «Как бездельничать: манифест лентяя» (How to Be Idle: A Loafer's Manifesto, 2007), Т. Лутц в своей книге «Ничего неделанье: История лентяев, лодырей, прогульщиков и бродяг в Америке» (Doing Nothing: A History of Loafers, Loungers, Slackers, and Bums in America, 2006) разворачивает целую хронику по истории лентяев. В пользу нетрудового, легкомысленного сибаритства высказывается и В. Вьен в книге «Искусство ничего неделанья» (The Art of Doing Nothing: Simple Ways to Make Time for Yourself, 1998).

Лень как способ рационального использования энергии рассматривается и в эволюционной парадигме. Так, например, П.В. Симонов и П.М. Ершов в книге «Темперамент. Характер. Личность» пишут, что принцип экономии сил не только является фундаментальной установкой всех живых организмов, но и способствует развитию креативности и изобретательства¹¹. Любопытно, что в ту же логику прочтения лени как оптимизации интеллектуальных и физических затрат укладывается и высказывание Э. Гуссерля об «экономическом» характере приемов научной мысли: «Все искусственные приемы носят характер приемов

⁹ Moynihan R. Scientists find new disease: motivational deficiency disorder // British Medical Journal. V. 332. 1 APRIL, 2006. P.745.

¹⁰ См.: Берендеева М. Лень — это полезно. Курс выживания для «ленивцев». — М.: Эксмо, 2004. С. 9.

¹¹ Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. — М.: Наука, 1984. С. 24.

экономии мышления. Они исторически и индивидуально вытекают из известных естественных процессов экономии мышления»¹². Таким образом, ленивое парадоксальным образом рассматривается как необходимое условие для более точного и продуктивного усилия.

А. Бине, специализирующийся в детской психологии, предложил разделить феномен лени на два вида: случайную и прирожденную. Первая — по своему характеру неустойчива — проявляется в случае неудачи на экзамене, конфликта с коллегами и т.д., вторая же является прирожденной: ребенок изначально нерешителен, апатичен, вял, у него недостаточно воли для того, чтобы совершить проступок, преодолеть возникшую перед ним трудность¹³. Некоторые же психологи рассматривают лень как защитную форму поведения, которая активизируется во время психотравмирующей ситуации¹⁴. Е.П. Ильин в работе «Психология воли» выделяет четыре подхода к лени, рассматривая ее как: отрицательную, положительную, как болезнь и как миф. Отношение к лени как к мифу объясняется тем, что самому человеку, как считает исследователь, это качество не присуще, что необходимо говорить о лени как о дисфункции нейроразвития. Сам Ильин отмечает, что, давая определение лени, важно выделять в ней два аспекта: «как мотивационное состояние и как свойство личности (любовь к безделью, склонность к праздности, тунеядству)»¹⁵. О том, что причинами лени может быть низкая самооценка, тревожность, слабая нервная система, низкая мотивация, писали такие исследователи, как Е.Л. Михайлова¹⁶, Н.В. Боровская¹⁷.

¹² Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. — Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. С. 312.

¹³ Бине А. Измерение умственных способностей. — СПб.: Союз, 1999.

¹⁴ Посохова С.Т. Лень: психологическое содержание и проявления. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Вып. 2. 2011. С. 161.

¹⁵ Ильин Е.П. Психология воли. — СПб.: Питер, 2009. С. 222.

¹⁶ «Роль ситуационных и личностных факторов в формировании лени». Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1. 2007. С. 219-225

¹⁷ «Психологические и психофизиологические факторы лени у учащихся». Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. — СПб, 2008. — N 32 (70), ч. 2: (Педагогика и психология, теория и методика обучения. С. 15-18).

К. Хорни в своей книге «Невроз и личностный рост» также косвенно затрагивает тему лени, помещая ее в полотно разрушительных для личности последствий «тирании Надо» — совокупность сконструированных внешней социокультурной средой требований, стоящих перед человеком, но не обуславливающих его личностный рост, наоборот, — купирующих его. Для исследовательницы лень — это инертность, наиболее распространенное невротическое нарушение, «паралич психической энергии»¹⁸, который распространяется и на мысли, и на чувства, и на действия. Хорни замечает, что такая лень отличается от праздности тем, что не выбирается человеком самостоятельно и не приносит ему никакого удовольствия: «Все требования, по определению, заменяют невротика активную работу над своими проблемами и, следовательно, парализуют его рост. Во многих случаях они ответственны за глубочайшее отвращение к любым усилиям»¹⁹. Человек, «застрявший» в этом состоянии, приучает себя к мысли, что одного искреннего намерения уже достаточно для того, чтобы достичь цели — попасть на работу, сдать важный проект, начать счастливую жизнь, — что всякая затрата энергии излишня.

В педагогической литературе лень рассматривается через призму трудолюбия. Например, С.Е. Матушкин отмечает, что трудолюбие как черта характера связана, главным образом, с ролью интереса, из-за недостатка которого человек оказывается подвластен лени²⁰. В то время как К.С. Абилов, выведя за счет четырех параметров формулу (отношение к работе, реакция на отвлекающие факторы, преодоление процессуальных трудностей и степень длительной работоспособности), определяющую уровень трудолюбия²¹, опосредованно позволил и использовать эту формулу для того, чтобы «замерять» уровень лени. Об особенной важности формирования трудолюбия в школьном

¹⁸ Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. — СПб.: Питер, 2019. С. 58.

¹⁹ Там же.

²⁰ Матушкин С.Е. Воспитание трудолюбия: содержание, поиски. — Челябинск: Изд-во Челяб.гос.ун-та., 1998. — 74 с.

²¹ Абилов К.С. Развитие трудолюбия у младших школьников: Автореф. дис....канд. пед. наук. — Баку, 1965. — 29 с.

возрасте писал и Э. Эриксон в рамках своей теории психосоциального развития. Психолог, в частности, отмечал, что именно в этот период человеческая личность выстраивает свою идентичность за счет принципа «Я — то, чему я научился». А значит, в случае появления чувства неполноценности или некомпетентности, в будущем человек не сможет развивать навык к трудолюбию, постоянно ощущая низкий уровень уверенности в себе, которым и детерминируется лень²².

В лингвистической литературе лень рассматривается через призму анализа языковой картины мира. Так, И.Б. Левонтина в статье «Ното piger», исследуя концепт лени в русской языковой картине мира, выделяет в ней три различных состояния: 1) лень как расслабленное, оцепенелое состояние тела; 2) лень как душевное состояние, паралич воли, когда индивид не может заставить себя приступить к тому или иному делу; 3) лень как состояние ума или как рациональная установка, когда человек сознательно отказывается совершать действие, ради, например, экономии сил или потому, что затраты не окупятся и силы будут потрачены впустую²³.

В социологической литературе лень косвенно рассматривается в рамках обсуждения проблемы аномии, проявлением которой может быть бродяжничество, попрошайничество или воровство, то есть асоциальное поведение, связанное с нежеланием человека вести нормальную экономическую жизнь. Так, Э. Дюркгейм в своей работе «Самоубийство. Социологический этюд» писал, что ослабление социально обусловленных норм, которое приводит к аномии (выраженной в данном случае в самоубийстве), связано с турбулентными периодами экономического или политического кризиса, когда вследствие «слишком внезапных социальных преобразований, общество

²² Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: Лената, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с.

²³ Левонтина И.Б. Ното piger // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М., 2005. С. 213-214.

оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека»²⁴.

В то время как социолог Р. Мертон в работе «Social Structure and Anomie» выводит аномию из социально обусловленных требований самой культуры, которые, устанавливая нормы и идеалы, ставят человека, неспособного им соответствовать (по личным ли причинам, или по причинам того, что тот же успех никогда не может быть уделом каждого), на путь девиантного поведения, выражающегося, например, в том же воровстве, алкоголизме или попрошайничестве. В определенной мере в это же концептуальное поле попадает и теорию стигматизации²⁵.

Наконец, в философско-этической литературе крупных, специальных исследований, посвященных проблематике лени, нет. Здесь если мы и встречаем размышление о лени, то, как правило, «на полях» обсуждения других, смежных с бездельем проблем. Правда, в Этико-энциклопедическом словаре можно найти небольшую статью А.В. Прокофьева, специально посвященную лени, в которой исследователь дает следующее определение этому состоянию: «Лень — порок, характеризующийся уклонением человека от напряженных усилий (духовных или телесных), необходимых для достижения цели»²⁶. Автор статьи указывает на то, что лень, парализующая волю, вносит в жизнь общества и отдельного индивида элементы паразитизма, которые препятствуют содействию блага ближнему.

В своей статье «Праздность и лень» О.П. Зубец настаивает на нетождественности двух, казалось бы синонимичных, понятий — лени и праздности. Лень, понятая как прямое уклонение «от полезной деятельности, а значит, деятельности вообще»²⁷, укладывается и обретает свое значение в структуре мещанского сознания. Это буржуазно понятая праздность, которая, в

²⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. — М.: Мысль, 1994. С. 237.

²⁵ См. Schrag C. Crime and Justice: American Style. — Washington: National Institute of Mental Health, Center for Studies of Crime and Delinquency, 1971. P. 81–112.

²⁶ Прокофьев А.В. Лень // Этика: Энцикл. словарь. С. 235.

²⁷ Зубец О.П. Праздность и лень // Этическая мысль. Вып. 3. — М., 2002. С. 133.

свою очередь, неперевода на язык трудолюбия и принадлежит только аристократическому этосу, только аристократическому ценностному сознанию, в основе которого «лежит особая отделенность от пространства социальной жизни»²⁸. Лень же, наоборот, нуждается в трудолюбии; она всегда просвечивается в труде и неотделима от него.

Также в своей работе «От существования к существующему» Э. Левинас пишет, что лень — «это невозможность начать, или, если угодно, это олицетворение начала»²⁹. Более того, уточняет мыслитель, лень — это отвращение, испытываемое человеком к жизни, нежелание принимать на свои плечи груз существования. Лень обусловлена страхом перед непривычным, перед тем, что может заставить человека совершить сверхусилие, это обращенность в будущее (ее местоположение всегда расположено *до* действия) и вместе с тем и заочное его аннулирование.

В книге Х. Арендт «Vita activa, или О деятельной жизни», праздность опосредованно обсуждается в рамках демонстрации триумфа планирующе-изготовительной деятельности (*vita activa*) и отказа от античных ценностей политической деятельности, который был связан и с постепенным отказом от идеалов созерцательной жизни (*vita contemplativa*) как таковой. В то время как в книге «История безумия в Классическую эпоху» М. Фуко лень рассматривается как сконструированный буржуазным государством недуг, носители которого нуждаются в лечении и изоляции.

Кроме того, стоит отметить, что в 2017 году Симпозиум «Философикум-Лех 2017», который традиционно проходит в Австрии, также был посвящен теме безделья, его социальной роли и философскому осмыслению. В 2018 же году вышла коллективная монография «Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба», магистральной темой которой стала оппозиция безделье / труд. На некоторых текстах этого исследования стоит остановиться подробнее.

²⁸ Там же. С. 123.

²⁹ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. С. 15.

Так, В.В. Миронов в своей статье ««Лень бытия»: метафизические искания Казимира Малевича» анализирует необычный трактат основателя супрематизма «Лень как действительная истина человечества», в котором художник выступает против негативной трактовки безделья. Он убежден, что человечество сфабриковало специфический миф, с помощью которого заклеило это состояние как социально непозволительное и потому недопустимое. По мнению художника, и социализм, и капитализм стремятся к ленивому образу жизни. Однако при капитализме праздность возможна только для избранных людей («праздный класс» по Т. Веблену). Для этого они собрали достаточное количество «кусочков лени» — таково истинное содержание любой денежной единицы. В обмен на эти «кусочки» они гарантированно получили праздное, бездеятельное бытие. Социализм же в свою очередь реализует проект равного для всех членов общества распределения лени: «Совершенство последней системы идет не к умножению трудовых часов, а идет к сокращению. Выработка продуктов будет производиться постольку, поскольку необходимо человечеству. Ничего лишнего, никакого перепроизводства...»³⁰

В конце концов, Малевич приходит к пониманию труда уже в его античном измерении, как бы закольцовывая свое исследование гигантской исторической дугой. В будущем труд, по мысли художника, перестанет быть необходимостью «чисто харчевого порядка», став условием непрекращающегося самосовершенствования человека, стимулирующим его творческую реализацию. В заключительной части статьи Миронов показывает предельный, метафизический уровень, на котором Малевич мыслит феномен лени. Кажущееся тотальное разнообразие этого мира на самом деле, в абстрагированном пределе, — одно, единое и неделимое существование, нерушимое метафизическое целое — платоновское Единое. Автор статьи пишет: «Такое слияние сближает Бога как заданного совершенства — и Человека как

³⁰ Миронов В. «Лень бытия»: метафизические искания Казимира Малевича. // Взгляд из России: Размышление о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. Коллективная монография. — М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 36.

достигшего этого совершенства во всем. Человек достигает совершенного знания Бога, то есть “включает себя в него или его в себя”, а это означает ненужность какого-либо действия (ибо все достигнуто). “Наступает момент полного бездействия, или действия как созерцания самомирапроизводства, наступает момент полной “лени”, ибо даже я уже не могу участвовать в совершенстве: оно достигнуто”»³¹. Таким образом лень становится «самовыражением творчества человека как высшей формы свободного труда»³².

Статья В.И. Кудашова «Мужество безделья. Труд и его судьба» «утягивает» магистральную исследовательскую тему безделья уже на этико-онтологическую глубину. «Можно ли трактовать безделье как ситуацию, онтологически первичную по отношению к делу как любой результативной деятельности?»³³ — задается вопросом автор. Отвечая на него, он обращается к оппозиции китайской философии — вэй и у-вэй, которая неоднократно встречается в трактате «Дао дэ Цзин». Вэй всегда трансформируется в у-вэй; у-вэй — есть осуществление недеяния. Таково своеобразие даосской активности, о чем Кудашов пишет следующее: «Действительно, у-вэй позволяет осуществить любые дела, поскольку, созерцая Дао, можно найти исток всех дел и осуществить любые, даже самые великие дела там, где они пока еще малы — у их природного истока»³⁴. При этом у-вэй — не патологическая лень, не предельная пассивность, но некоторая неспешность, делание без лишних усилий, без рассеивания внимания. Это умелое встраивание внешних бурлящих сил в рационализированный поток труда. Автор статьи приводит следующий образ: «Наиболее яркой визуальной метафорой у-вэй является парящий полет некоторых птиц, способных перемещаться на довольно большие расстояния, почти не работая крыльями, практически за счет одних только используемых

³¹ Там же. С. 40.

³² Там же.

³³ Кудашов В.И. Мужество безделья. Труд и его судьба. // Взгляд из России: Размышление о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. Коллективная монография. — М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 42.

³⁴ Там же. С. 44.

ими течений воздушных потоков»³⁵. Безделье в концептуальном поле у-вэй становится выходом из реальности, где совершение того или иного выбора является необходимостью. Теперь я принципиально «не выбираю»; реализуя у-вэй, я остаюсь за скобками тех или иных альтернатив. Как резюмирует Вячеслав Кудашов: «Стратегия недеяния рассматривает любую реализованность как конечность, предваряющую омертвление и прекращение живого процесса взаимодействия открытых возможностей»³⁶.

Онтология безделья, как замечает Кудашов, — это всегда предшествующее любой запланированной активности недеяние. Ведь какую бы деятельность мы ни начинали, нам всегда необходимо преодолеть «лень». Этика же безделья есть мужество, с которым человек выбирает, прямо скажем, неслыханную для современного мира бурлящей активности программу недеяния. Мужество безделья, таким образом, есть мужество философа, который принципиально отказывается участвовать во всеобщей вакханалии производства.

Наконец, нельзя не отметить и вышедший в начале 2019 года номер журнала «Логос», который специально был посвящен анализу лени и праздности. Позволим себе кратко остановиться на некоторых существенных выводах, зафиксированных на страницах этого номера.

Любопытны заданные эскизы рефлексии лени и праздности в свободном диалоге В.С. Вахштайна и М.А. Маяцкого, представленного в расшифрованном и отредактированном виде в самом начале журнала. Так, например, было предложено различать праздность и досуг ввиду того, что первое — «это не деятельность, не апроприированная другим», а второе есть «уже занятая незанятость, освоенная, скажем коротко, “индустриями досуга”»³⁷. Этим высвечивается и то болезненное восприятие праздности (как нехватки) современным человеком, из-за которого он постоянно и мучительно силится

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 46.

³⁷ В.С. Вахштайн, М.А. Маяцкий. Случайный труд — принудительный досуг. Дискуссия // Логос. Т. 29. #1, 2019. С. 2.

заполнить ее пустоту различными практиками, впадая в ступор, когда в сетке расписания выходных остались «белые пятна». Иными словами, досуг — есть лицензированная праздность, время «свободное от гудка»³⁸, тогда как праздность и лень, наоборот, выпадают за пределы легитимного поля времяпрепровождения, а значит, исходя из этой логики, тунеядец и бездельник должны быть подвергнуты санкциям.

Однако ситуация постиндустриального общества в каком-то смысле размывает эту демаркационную линию: скажем, сегодняшний «фрилансер» организует свою повседневную жизнь вне жестко структурированных практик корпоративного темпорального принуждения. В связи с этим существенно и одно замечание М. Маяцкого: идею практически полной неразличимости досуга и труда, которую непосредственно и исключительно связывают только с контекстом современного общества, по мнению исследователя, вряд ли можно назвать адекватной: «Новизна этого явления мне кажется сомнительной. Я согласен с теми социологами, которые видят здесь, скорее, возвращение к вековой и крайне распространенной “досуговой” практике. Аграрный труд и досуг всегда были “пористыми”, взаимопроницаемыми»³⁹.

Корректировки негативных коннотаций понятий «праздность» и «безделье» С.Ю. Малышева фиксирует в своей статье «“Реабилитация праздности”: производство новых значений и смыслов досуга во второй половине XIX — начале XX века». Анализируя эволюцию дефиниции этих понятий в толковом словаре Даля (1860-е годы), словаре Академии наук (1890-е годы) и словаре Ушакова, изданном уже в советские годы, исследовательница связывает эту корректировку с индивидуализацией досуга в рамках ускоряющегося промышленного развития, урбанизацией и формированием особой сферы городского досуга, который постепенно выходит за пределы коллективного процесса чередования труда и отдыха. Интересен и вывод, сделанный в статье Е.Ю. Андреева «Труд и перекур в искусстве СССР 1940-х —

³⁸ Там же. С. 3.

³⁹ Там же. С. 19.

начала 1960-х годов», об изменении репрезентации труда в советском искусстве: на смену интерпретации труда как усилия и подвига в рамках сформировавшегося сталинского соцреализма приходят иные акценты: героика труда постепенно уходит в прошлое, а сам труд начинает восприниматься с точки зрения отдыха или «перекура».

Наконец, кажется важным обратить внимание на рефлексию лени в статье-эссе В.А. Мазина «Неленивые заметки о лени: Обломов, Ленин и капитализация лени», где автор, в частности, так характеризует безделье: «Лень защищает от выбора, долга, обязанностей. Но лень — это и мучительные и нескончаемые роды, ведущие к новой жизни. Лень подобна мукам рождения. Лень подобна мукам творчества <...> Лень — территория думы, мечты, фантазии»⁴⁰.

Тем не менее, стоит еще раз подчеркнуть, что как в России, так и за рубежом специальной литературы по проблематике смежной и близкой с темой диссертации немного, а по непосредственной теме исследования нет вовсе.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является выяснение философско-этического содержания лени, исследование влияния тех или иных социокультурных процессов на специфику праздного времяпрепровождения.

Условием для достижения поставленной цели является решение следующих задач:

1. Показать возможность не только строго негативной, но и проблематичной оценки лени с моральной точки зрения.
2. Рассмотреть генеалогию интерпретации лени и рефлексии над ней в истории философии и культуры.
3. Выявить ряд культурных феноменов, в той или иной степени связанных с проблематикой лени.

⁴⁰ В.А. Мазин. Неленивые заметки о лени: Обломов, Ленин и капитализация лени. // Логос. Т. 29. #1, 2019. С. 253.

4. Определить спектр негативных с точки зрения морали проявлений лени и спектр таких ее проявлений, которые оказываются проблематичными и неоднозначными под нравственной оптикой.
5. Отобразить связь между той или иной оценкой лени с тем или иным социокультурным контекстом.
6. Наметить цели и задачи дальнейших исследований феномена лени.

Объектом исследования выступает лень как многосторонний социокультурный феномен.

Предметом исследования является этико-философская рефлексия феномена лени в рамках западной философской традиции — начиная с античной культуры, затем рассматривается ее место в культуре Средних веков, Нового времени и заканчивается рассмотрением современного видения лени и ее социокультурных проявлений.

Научная новизна исследования:

1) Впервые в российской философии была предпринята попытка дать целостный философско-этический анализ лени;

2) при помощи анализа не только строго негативных, но и проблематичных с моральной точки зрения проявлений лени, показано, что исследуемый феномен требует более широкого подхода в процессе интерпретации, выходящего за пределы одних только нормативной и аксиологической оптик;

3) выявлены характер и содержание связи лени с такими феноменами, как скука, эскапизм, гедонизм, ностальгия, праздность и не только, а также представлено то проблемное поле, в котором лень осмысливается по отношению к труду, в частности, и к активности, в целом;

4) доказано, что трансформация в восприятии лени в истории этической и философской мысли, нередко, прямо или косвенно опосредована меняющимся социокультурным контекстом, который необходимо учитывать в процессе анализа рефлексий данного феномена;

5) определено, что лень есть такое состояние, которое всегда находится или стремится оказаться по ту сторону необходимости и может быть связано

либо с физической или духовной усталостью, либо с парализующим страхом и уязвимостью, либо с полной — кажущейся или действительной — жизненной удовлетворенностью, заглушающей или отменяющей необходимость какой бы то ни было модернизации, улучшения или роста.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования будут способствовать новому, более углубленному и проблематизированному пониманию феномена лени, ее философско-этического переосмыслению, которое позволит обогатить имеющиеся представления о таких смежных и близких к лени феноменах, как труд, деятельность, скука, праздность, активизм и недеяние. Практическое значение диссертации состоит в возможности использования ее материалов в учебном процессе в высшей школе, например, для создания более углубленного учебного курса о феномене порока в этическом дискурсе.

Методологическая основа исследования. Данное диссертационное исследование, построенное на основе комплексной философско-этической методологии, предполагает использование таких систем и методов, которые бы отвечали ее междисциплинарному характеру. В рамках исследования феномена лени использовались методы сравнительного и ретроспективного анализа, историко-философский анализ, компаративный метод, которые позволили выявить максимально широкий спектр проявлений лени, с наибольшей адекватностью очертить круг явлений, с ней связанных, а также высветить специфическую сущность данного феномена. Также для реконструкции специфики лени в художественной литературе были задействованы методы текстологического анализа. При рассмотрении эквивалентов понятий «лень», «скука», «праздность» и «труд» в разных языках мира были использованы герменевтический метод и методы этимологического анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лень может проявляться не только в качестве аморального уклонения от следования долгу перед самим собой и перед Другим, а также в отказе от трудовой активности или от внутреннего, нравственного роста, но и как

пассивная созерцательность, воздержание от деятельного взаимодействия с той социальной средой, которая оценивается личностью негативно с внутренних нравственных позиций.

2. Нравственный смысл лени неоднозначен. С абсолютистских моральных позиций лень — это порок, который обуславливает нравственно недопустимое состояние, оказывающее пагубное, разлагающее влияние как на саму личность, так и на окружающих его людей. Однако, если рассматривать лень через призму социокультурных процессов, то этот феномен может приобретать и черты специфического «бездеятельного», «пассивного» протеста, своеобразного «бунта» против тотальной гегемонии труда. В таком случае лень выступает в качестве символа человеческого права на свободу и на жизнь вне ценностей, сопряженных с трудом, то есть приобретает эмансипационные коннотации.

3. Лень может быть обусловлена физической или метафизической усталостью — предельным экзистенциальным истощением, осознанием невозможности дальнейшего несения «груза существования», страхом перед будущим, который подстегивает установку на эскапизм или ностальгию.

4. В русской культуре лень связывается не только с политической и культурной инертностью личности, ее равнодушием и нерадением о будущем, но и со спецификой религиозного сознания, устремленного к абсолютно-сакральному, эсхатологическому, что, как следствие, порождает пассивность и безразличие ко всему профанному, земному. Также модус лени в русской культуре связан с особой установкой на отказ от действия, связанной с другим явлением национальной культуры, — «русской хандрой».

5. Лень и праздность внутри аристократического этоса — не тождественны. Однако, рассматривая праздность как культурный код, как непроемчивый образ жизни, элитизирующий личность, этот феномен сближается с ленью, встраивается в радикальную гедонистическую систему ценностей, нравственно разрушая личность.

6. В эстетическом дискурсе праздность и лень нередко взаимообуславливаются и поэтизируются; лень здесь воспринимается как

блаженно-сонное состояние погруженности в самого себя, как опыт предельной уединенности, освобождение от всего внешнего, как пропедевтика к подлинному творчеству, как непроизводительное, созерцательное и, следовательно, экологическое отношение к миру.

7. Скука как семантически предельно близкое понятие по отношению к лени приоткрывает темпоральную природу феномена безделья; скука и лень взаимообусловлены в переживании безвременья и через опыт утраты смысла ведут как к поиску добродетельной жизни, так и к нигилизму.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой на широкий круг источников, включающий как важнейшие работы философов прошлого, так и разнообразную современную литературу по теме диссертации, а также методологией исследования, предполагающей всесторонний анализ источников и предмета исследования. В совокупности это позволяет получить в диссертации обоснованные выводы.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4 научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертационное исследование прошло апробацию в форме научного доклада автора на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» на тему «Скука и лень: опыт философско-этического анализа».

Структура диссертации.

Диссертация изложена на 190 страницах машинописного текста, состоит из введения, четырех глав, в трех из которых по три параграфа, а в одной четыре, заключения и библиографического списка.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы и анализируется степень ее разработанности, дается обзор методов исследования, сведения об апробации и структуре работы. Указывается новизна исследования, определяются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Труд и лень: философско-этическое содержание оппозиции» рассматривается бинарная оппозиция труд / лень в их эволюционном развитии в истории мировой культуры и философии.

В первом параграфе первой главы «Философия труда: этимология и классификации» в центре внимания автора оказывается феномен труда. Рассматривается его значение в физическом, культурном и нравственном формировании и развитии человека; также отмечено, что, анализируя феномен труда с нравственных позиций, необходимо учитывать мотивы, побуждающие к нему человека. Кроме того, рассмотрены подходы к классификации труда в исследованиях К. Ясперса, Э. Мунье, Е. Финк, Х. Арендт; также проведен краткий этимологический анализ данного феномена.

Во втором параграфе первой главы «Труд и лень: социокультурная эволюция» реконструируется история рефлексии труда и лени от античности до Нового времени. Показано, что первоначально негативная рецепция труда, свойственная древним культурам, в частности античной, с приходом христианства, в дальнейшем — с эпохой Реформации, меняется. Труд становится сакральным, а позднее — и единственно достойным содержанием человеческой жизни, в то время как праздность и лень приобретают клеймо главного нравственного изъяна. Труд постепенно поглощает сознание и жизнь человека, жестко встраивая его в прагматическую среду производства, а усилие перестает быть внутренней, осознанной необходимостью и насаждается как бы извне — социальной машиной принуждения, темпами развития производства.

В третьем параграфе первой главы «Реабилитация лени как ответ на гегемонию труда» на основе ряда философских текстов и специальных

исследований показана эволюция в восприятии лени и праздности: от порицаемого и недостойного человека образа жизни к нравственной, философской и культурной реабилитации. Лени становится символом протеста против тотальной гегемонии труда, постепенно приобретая ценность, положительный нравственный смысл в оппозиции к отчуждающей природе труда. Она начинает выступать как своеобразная сублимация того напряжения и тягостности, которыми наполнена всякая работа. Кроме того, само социально регламентированное требование деятельного усилия постепенно девальвируется и дискредитируется, а феномен лени в перспективе XX века пропитывается и экологическими смыслами. Наконец, отмечается, что под «реабилитацией лени» не подразумевается ее полное и окончательное моральное санкционирование. Сама по себе тоска по лени есть реакция на отчуждающую природу труда, на тотальное поглощение трудом всего имеющегося времени.

Во второй главе «Этос лени в русской культуре» рассматривается и анализируется этос лени в русской культуре через реконструкцию базовых установок национального миропонимания.

В первом параграфе второй главы «Лени в русской языковой картине мира» рассматривается концепт «лени» в русской языковой культуре. Показано двойственное отношение к лени в русской культуре: с одной стороны, ленивое состояние купирует возможность роста, самореализации, внутренне разъедая и деформируя человеческую личность, а с другой — воспринимается как радостный просвет в трудных и тревожных сумерках повседневной жизни.

Во втором параграфе второй главы «Место лени в русском миропонимании» показано, что в русской философии проблематика лени поднимается в связи с обсуждением и философской реконструкцией базовых установок национального мирозерцания, его специфической религиозности, мессианства, эсхатологичности, пренебрежительного отношения к земным благам, и проистекающую из этих характеристик слабость социальных и культурных форм, которая, к тому же, детерминируется и спецификой русского пространства: огромные просторы Восточно-европейской равнины, а также

чрезвычайно суровые климатические условия для жизни и ведения хозяйства навязывали человеку постоянное ощущение бессилия.

В третьем параграфе второй главы «Метафизика лени в русской философии» показано, что лень в русской культуре — сложный феномен, трагически окрашенный не только историческими и географическими реалиями, не только пессимистическим мироощущением своей неустроенности в пространстве «бренного» мира (стратегия эскапизма), но и «русской хандрой» как своеобразной установкой на бездействие. Также лень в русской культуре рассматривается как слабость внутренней дисциплины, излишняя мечтательность, чрезмерное смирение и неверие в свои собственные силы. Кроме того, лень в русской культуре проявляется как физическая и метафизическая усталость. Рассматривается и феномен «обломовщины» как специфический модус лени в русской культуре. Показано, что, с одной стороны, «обломовщина» нравственно разлагает личность, парализует волю в ностальгической позе по отношению к действительности, постепенно делает человека неспособным к добродетельной жизни, а с другой — может быть прочитана как манифестация такого образа жизни, который противопоставляется вечной беготне человека в колесе забот, как, пусть и трагический, но выбор в пользу модуса «быть», а не модуса «иметь»,

В третьей главе «Скука и лень» проведен этико-философский анализ скуки и лени, который не только позволил расшифровать переживание ленивого в его сопоставлении с категорией времени (в ситуации особенной встроенности духа в не ухватываемую и не препарированную рассудком длительности), но и высветить неоднозначную с моральной точки зрения природу лени в ее скучающем модусе.

В первом параграфе третьей главы «Этимология и типология скуки» дан краткий этимологический анализ скуки, показана глубокая связь этого феномена с ленью. Также представлена типологизация скуки, которая, как правило, распадается на ситуативную, поверхностную, и экзистенциальную, глубокую. В целом, языковое функционирование концепта «скука» находит свое

выражение в переживании субъектом утраты смысла, прочности экзистенции, безвременности. Скука рождается под напором внешней среды, нудной и бессодержательной, или же через призму внутренних метаморфоз — в дискомфорте и раздражении, беспокойстве и болезненности восприятия. Скучение обворовывает моральную привлекательность труда, делает его утомительным, безинтересным, обеспечивая «субстрат» для лени. На пределе переживания экзистенциальной скуки человек разрывается между двумя крайними точками: одна из них дает надежду на прорыв к смыслообразующему пути, а другая раскрывает перед индивидом провал в окончательное разочарование, за которым всякая ценность девальвируется. В двух последующих параграфах отдельно рассматривается каждый из этих двух сценариев.

Во втором параграфе третьей главы «Скука, лень и нигилизм» показано, что лень, вырождающаяся в скучение, может привести к нигилизации личности. Литературным воплощением такого модуса существования стал Ставрогин — «царь равнодушия», как его окрестил А. Камю. Подобное «нарочитое» праздное существование приводит к тому, что любое предъявляемое извне должностное воспринимается человеком как угроза, как тяжелейшее бремя, которое кажется ему совершенно непосильным и, более того, просто ненужным. Воля такого человека становится все более ленивой; перед лицом нравственного выбора, ответственности он «пасует». Он становится идейным лентяем, потому что достижение чего бы то ни было *a priori* невозможно; ценностный вектор деятельности утратил свою направленность, потому что не стало самого вектора.

В третьем параграфе третьей главы «Порыв из скуки и лени» автор рассматривает второй сценарий, в рамках которого экзистенциальная скука, наоборот, может сподвигнуть человека на прорыв из плоскости обыденного, аморфного бытия, на попытку снять разрыв между событием и повседневностью. «Спасение» от скуки возможно не в беспрестанной деятельности (такой путь лишь углубляет метафизическую усталость), а, как настаивали М. Хайдеггер, Ж-

П. Сартр и П. Адо, в настройке на еще более глубокую скуку, поскольку именно через предельное погружение в это состояние оказывается возможным самообнаружение бытия, открывается творческое и нравственное осознание своей тщетности, малости, из которого рождается требование любовной заботы о Другом. Наконец, резюмируя, автор замечает, что если в оппозиции к труду лень проявляется как призыв «выключить» машину, остановить бесконечное стремление к «улучшению», то в «скучающем» модусе она есть симптом тотальной усталости от будущего, акт дискредитации «нового», постоянный скепсис перед всякой модернизацией, продуцирующий праздный и отстраненный (ироничный) жизненный стиль. Однако опыт подобного глубинного разочарования способен развернуть человека к себе подлинному, воспитать в нем трепетное довольство малым, повседневным.

В четвертой, заключительной, главе диссертации проведен философский и этический анализ праздности и лени и предпринята попытка обозначить и разграничить те сферы, где «точки пересечения» праздного и ленивого наличествуют отчетливо и ясно и где эти два традиционно отождествляемых понятия оказываются несводимыми друг к другу.

В первом параграфе четвертой главы «Праздность и лень в ценностной системе аристократизма» праздность рассматривается как часть аристократического этоса, где она оказывается противопоставленной лени, которая в рамках этой оппозиции выступает как праздность, но уже «абсорбированная» мещанским ценностным сознанием. Праздность, преломленная через аристократическую систему ценностей, есть не бездействие, а деятельность, которая не продиктована извне, не направлена на пользу, а сама из себя и только для самой себя обретает значимость. Таким образом, если лень, понимаемая строго в намеченном контексте исследования феномена аристократизма, — это *состояние* абсолютного бездействия, парализованности воли, которая потому «парализована», что диалектически связана с давящей необходимостью труда, то праздность — есть специфический *образ жизни*, который поднимает человека над царством необходимости.

Во втором параграфе четвертой главы «Праздность в пространстве нравственности» праздность рассматривается не изнутри аристократического этоса, а снаружи, в ее социо-историческом измерении. Используя концепцию «праздного класса» Т. Веблена, автор отмечает, что праздность может выступать в качестве знака элитарности, социальной выделенности, определять не только вертикаль общества, но и вектор его социальной динамики. Возможность непроизводительного потребления времени открывает перед человеком возможность свободной, ничем не обремененной деятельности. Однако такая праздности может привести к тому, что человек, прожив всю свою жизнь без необходимости каждый день добывать «хлеб насущный», не только не пользуется тем богатством свободного времени, которое получил, но, наоборот, растрчивает его впустую, саморазрушаясь. Праздное существование, оформленное человеком гедонистически, этически перекаливается с феноменом удовольствия. Стремление к удовольствию, став основополагающим принципом жизни, «развязывает» человека и не только нравственно его разрушает, но и «заражает», как замечает Л.Н. Толстой, тех, кто мечтает о таком праздном образе жизни, обрекая неимущие классы на паразитизм и социальную деградацию. Последнее создает специфическое этическое напряжение дискуссиям о введение безусловного базового дохода.

В третьем параграфе четвертой главы «Праздность праздника и эстетическое содержание лени» автор смотрит на праздность через призму праздника, а также — как модус эстетического. Краткая характеристика феномена праздника в трудах ряда философов и исследователей позволяет отметить, что через феномен праздника возможно высветить особый модус праздности, который переживается человеком как торжество своего бытия, восстановление утраченного общения с Богом, как радостное созерцание полноты исполненного и завершенного мира, в котором «все хорошо весьма». Проклятие труда внутри этого пространства оказывается аннулированным. Связь праздника и праздности усматривается в таком умонастроении, которое непроизводительно, всем довольно, которое направлено к миру, ничего от него

не требуя, но воспринимая его в качестве исполненного; и потому так увиденный мир воспринимается личностью как объект, который требует эстетического отношения. Такое измерение феномен праздности получает в рамках китайского философского принципа у-вэй. Состояние недеяния по-своему сопряжено с праздностью в качестве особой обращенности к целостности мира; это определенная недеятельная стратегия невмешательства в естественный порядок вещей, следование истинной мудрости — Пути-Дао. Наконец, показано, что в искусстве праздность нередко рассматривается как модус эстетического — отсюда устоявшееся понятие творческой лени как состояния особой, медитативной, внутренней настроенности человека на пассивное созерцание мира как целого. Резюмируя, автор замечает, что лень в модусе праздности — есть уже не страх перед будущим, а радостный отказ от него, принятие мира и Другого в их данности, проявление воли как «желания к нежеланию», которая оказывается условием и для подлинного творчества (диалог), и для подлинной заботы (экологизм).

В заключении подводятся итоги исследования лени, делаются общие выводы, намечаются вопросы для дальнейшего изучения данного феномена. Показано, что лень распадается на полюса: на одном из них она сковывает и разлагает личность, а на другом — пребывает как идеальная цель, достигнув которой, человек обретает счастье в осознании завершенности и исполненности бытия и в остановке воспроизводства нового / лучшего. Дается и дефиниция лени, которая есть такое состояние, которое всегда находится по ту сторону необходимости и может быть связано либо с физической или духовной усталостью, либо с парализующим страхом и уязвимостью, либо с полной — кажущейся или действительной — жизненной удовлетворенностью, заглушающей или отменяющей необходимость какой бы то ни было модернизации, улучшения или роста. Отмечается, что, говоря о порочности лени, о ее «девиантности» по отношению к некоему моральному стандарту, следует учитывать тот социокультурный ландшафт, на фоне которого считается этот нравственный изъян или же, наоборот, заметна тенденция к

апологизации лени. Также, исследуя природу лени, необходимо задаться вопросом: с каких позиций мы смотрим на этот феномен? Кроме того, чтобы попытаться зафиксировать наиболее широкий спектр модусов безделья, необходимо максимально расширить пространство анализа, рассмотрев лень во взаимодействии с такими иногда более, а иногда и менее феноменологически близкими к ней понятиями, как праздность, скука, недеяние, праздник, эскапизм. Наконец, рассматривая феномен лени и труда, необходимо учитывать конкретные человеческие мотивы.

III. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова

I. Рецензируемые научные издания, индексируемые в международных базах Web of Science и RSCI:

1. *Сысоев Т.А.* Этнос лени в русской культуре // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 2019. № 3. С. 92-108 (RSCI; пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,320).
2. *Сысоев Т.А.* Рец. на кн.: Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 221-226 (Web of Science, Scopus, RSCI; JCR – 0,51, CiteScore – 0,3, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,869).

II. Издания, включенные в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

3. *Сысоев Т.А.* Реабилитация лени как ответ на гегемонию труда // Философия и общество. 2018, № 2 (87). С. 92-111 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ 0,454).
4. *Сысоев Т.А.* Скука и лень: философско-этический анализ. // Философия и общество. 2019, № 3 (92). С. 106-125 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ 0,454).